

ЗА ГРАНЬЮ ФОКУСА

КИРА АТМОС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кира Атмос

За гранью фокуса

<https://litres.ru/73497923>

SelfPub; 2026

Аннотация

Психологический манифест о праве на искренность.

О том, что наши ошибки, шрамы и «неправильные» чувства — это не брак, который нужно вырезать, и единственное, что остается, когда рассыпается привычный самообман — ты сам.

У Ниолы был идеальный фасад, за которым скрывался изматывающий сценарий: попытки оправдать то, что её ломало, и соответствовать чужим настройкам.

Но точка невозврата пройдена там, где возникла встреча-проводник, ставшая катарсисом и проявившая главное: за безупречной придуманной картинкой больше нет энергии созидания.

Это роман о том, как перестать ретушировать свою боль и верить в собственные иллюзии. Здесь не ищут себя. Здесь находят дерзость признать свой обман и начинают манифестировать новую реальность из того, что по-настоящему ваше.

Добро пожаловать за грань фокуса.

Здесь заканчивается имитация и начинается воплощение через человеческий эмбиент.

Первая часть дилогии

Содержание

Глава 1 Выкройка из тумана	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Кира Атмос

За гранью фокуса

Глава 1 Выкройка из тумана

Февраль 2010-го. Месяц-пустота, лишаящий мир красок и резкости. За окном — серые, глухие декорации. Голые ветки деревьев переплетаются, точно ржавая проволока. Сверху давит тяжелая ватная масса туч. Кажется, скудный свет больше не планирует возвращаться. Снег опускается на асфальт и тут же сдается, превращаясь в грязную, ледяную воду.

Форточка открыта. Ледяной порыв ветра ворвался в комнату, и радужный тюль восторженно встрепенулся пойманной птицей. Рука замерла, так и не захлопнув створку. Холодные снежинки рассыпались по коже серией микроскопических уколов. Настойчиво и резко, будто природа пыталась достучаться до онемевшего тела: «Встряхнись. Проснись. Выходи».

Окно закрыто, свист ветра отсечен, но по руке продолжает бежать электрический холод. Контакт состоялся. Раскодировка началась, и остаться дома теперь значило проиграть этот раунд самой себе.

— Нет, на улицу не пойду, — шепот в пустую тишину. — Останусь здесь.

Лишь попытка обмануть время. Обещание девочкам и

долг перед дружбой уже висят над плечами, заставляя собираться. Взгляд падает на экран смартфона. Тишина. Черный, равнодушный пластик. Эдриан молчит. «Наверное, ему не до меня, — привычное оправдание. — Работает или с друзьями». Горькое осознание обжигает: писать первой больше нельзя. Хватит того, что отношения держатся на моей инициативе. Пусть теперь сам себя проявляет. Но от мысли «не стоит задерживать» в груди становится тесно и жарко.

Снова ретушь. Это настоящая жизнь, скрытая от матери и системы. Аккуратно, пиксель за пикселем, вырезается прядь волос модели. Игра с густотой, исправление ломких линий — попытка сделать мир чуть совершеннее, чем он есть на самом деле.

Опять телефон. Вдруг засветится прямо сейчас? Нет. Молчание. Пятое февраля, пятница. Завтра у него выходной, значит, сегодня он точно с компанией. Тяжелый вздох и потягивание — привычка после долгих лет классических танцев. Хотя что-то в послушном теле остается «правильным».

До встречи с подругами — час. На мониторе застыл кадр, а мысли — о девушке из фотосалона. Как же хочется туда! Это тайный план побега от диплома швеи-мотористки. Мама всё решила сама, отправила в эту «шарагу» ради корочки. Она верит в грубое ателье, а я — в магию кадра. И до боли страшно не отстоять себя без опоры во внешнем мире.

Раздается звонок. Веста. Тело лениво переваливается со

стула на прохладную кровать. — Привет! Ты сегодня с нами? — голос подруги собранный, на фоне слышно методичное шуршание плотных страниц. — С вами, конечно. — Он так и не позвонил? — Угу. — Ну, не расстраивайся, объявится, — констатирует она факт. Слышно, как Веста откладывает тяжелую ручку. — Да всё нормально. — Сама позвони! — живо предлагает она. — Сделаю паузу, — до боли закусываю сухую губу. — Слишком много меня было на этой неделе.

Веста рассказывает, что задержится — готовится к летним экзаменам на лингвистику. — Это же будет только летом! — удивляюсь я. — Да, но я хочу туда попасть. Очень хочу.

Укол зависти. У Весты всё под контролем: направление, подмога. У меня — только Фотошоп и мамино жесткое «иди работай как все».

— Хочешь, езжай вперед, — предлагает Веста, — я позже приеду. — Нет уж, дождусь. А то знаю я тебя: зароешься в учебники и передумаешь.

Мы обе негромко смеемся — этот короткий, искренний звук немного разгоняет февральский туман в комнате.

— Хорошо, через час встречаемся у ворот, — подытоживает она.

Не успеваю сбросить вызов Весте, как на второй линии всплывает имя Эдриана. — Привет, — отвечаю максимально спокойно, хотя внутри всё мелко дрожит. — Привет, — его голос сегодня резкий, колющий.

Тяжелое молчание. Пауза затягивается настолько, что становится страшно: а вдруг он просто положит трубку, не найдя повода для разговора? — Ты дома? — наконец спрашивает он с нахальной усмешкой. — Пока да. — Куда собираешься? — Как обычно, в центр. С девчонками. — Угу. У меня на тебя другие планы, — отрезает он, не дослушав. — Хочу забрать тебя с собой, мы тут с пацанами собираемся.

На заднем фоне — гул заведенного двигателя, хлопки дверей и грубый мужской смех. «Не, она согласится, куда денется», — бросает Эдриан другу в сторону, не прикрывая трубку. Тошнит от этого самоуверенного тона. Он говорит обо мне как об объекте, чьё согласие уже лежит у него в кармане, как запасной ключ от машины.

— В общем, заскочу через пару часов. Не против же? — Это звучит не как вопрос, а как команда, обернутая в тонкую фольгу вежливости.

Молчу, переваривая наглость. Внутри всё кричит «нет», но губы привычно выдают другое: — Приезжай. — Ты чего, без настроения? — в голосе слышится снисходительное раздражение. — Всё нормально, — отвечаю грубо. — Просто думала, мы вдвоем побудем. — Ну зай, не начинай. Успеем еще. Хочу тебя с друзьями познакомить. Наберу.

«На связи», — сбрасываю вызов.

В груди тесно. Зачем тащить меня туда? Быть «декорацией» на фоне его громких друзей и выхлопных газов.

Пора собираться. Как же я ненавижу краситься! Хочется

быть красивой без этого липкого «грима», но кажется, что без него я просто невидима. Перед зеркалом — бледное отражение: светлые ресницы, невидимые брови... Лица просто нет. У Весты и Луны — природный шарм, а я?

Со вздохом достаю тушь. Пытаюсь «проявить» глаза на фарфоровом холсте. Волосы пушатся, пробор ложится криво. Быть мне вечной простушкой в этой системе координат.

Вдруг в голове вспыхивает образ. Высокий, темноволосый парень. Он смотрит мягко, и в сердце разливается странная, бархатная нега. Словно у нас с ним были чувства — настоящие, глубокие, где не нужно заслуживать право на «вдвоем».

«Что за фантазии?» — встряхиваю головой, отгоняя навязчивое. Никогда его не видела. У меня есть Эдриан. Надо быть довольной тем, что вообще ему приглянулась. Хватит мечтать о сбоях в программе.

Снег на черном асфальте растворяется, не оставляя следа. Веста выходит из ворот легкой походкой. Волосы распущены — непривычно, мягко. — Привет! Классно выглядишь. — Да ну, обычно... — она прячет подбородок в шарф, но глаза светятся.

Мы идем к центру. Наш район за пару лет посвежел: серые многоэтажки теперь жмутся к крепким деревянным домам из прошлого века. Уютный свет в окнах, резные наличники... сейчас они смотрятся диковинным винтажным декором на фоне наступающего будущего. Ветер прошивает пальто насквозь. Под ногами — разбитый асфальт Верноводска, горо-

да четырех стен, где жизнь теплится только в паре ярких точек.

В центре всё иначе. Рекламные щиты режут темноту, а на углу высится наша местная гордость — новый торговый центр. Нелепое нагромождение желтой штукатурки и ядовито-синего стекла. Его фасад выгнут дугой, как бок огромного пластикового кита, выброшенного на грязный февральский берег. В зеркальных окнах отражаются огни такси и наши размытые силуэты. Город обрастает этим нарядным стеклом, пытаясь казаться «приличным», но для меня он всё равно остается золоченой клеткой.

— Опять ты про эту швейку? — Веста замечает мой поникший взгляд. — Это так нелепо, Вест. Мама уже всё зашила в мой план на жизнь. Иглы, нитки, бесконечный оверлок... — А ты просто возьми и пойди туда, куда тянет! — Не могу. Моё место в Альт-Сити, но для мамы это другой мир. — Видимо, по её логике, мир спасет не красота, а вовремя подшитые штаны, — Веста горько ухмыляется и резким жестом поправляет сумку на плече. — Но ты не сможешь строчить швы десять лет, Ниол. Есть «глагол действия». Ты либо сама его произносишь, либо тебя вписывают в чужое предложение второстепенным членом. Без права голоса. Мы тут обе как инородные слова. Но если сдашься — проживешь чужую жизнь.

Я приобнимаю её, пряча лицо от ветра. Хочется верить, но внутри только холодный вакуум. — Так что там Эдриан?

— спрашивает она уже тише, когда мы подходим к дверям кафе. — Позвал к друзьям. Боюсь прийти и понять, что я там — просто декорация. Удобный фон, который не мешает им пить пиво. Веста толкает меня плечом, заставляя улыбнуться. — Даже если ты «декорация», ты — лучшее, что случится с ними за вечер. Если станет тесно — просто уходи.

В кафе бьет в лицо запах жасмина и выпечки. Бри и Луна уже заняли столик у окна. Бри — рыжеволосая бестия — машет нам, её каре полыхает в свете гирлянд-сеток. — О, явились! Ниола, ты что, ресницы по одной приклеивала? — Бри громко смеется, и на нас оборачиваются от соседнего столика.

Я выдавливаю улыбку, усаживаясь на край стула. Рядом с Бри пространство всегда кажется слишком тесным, а я — слишком прозрачной. Пока они обмениваются новостями, я молча кручу в руках меню. Хочется рассказать про новую ретушь, про то, как я научилась «проявлять» свет, но слова вязнут в горле. В этой комнате уже есть лидер, и это не я.

— Я всё в учебниках, — Веста нервно отодвигает чашку, её пальцы мелко дрожат. — Вчера до трех ночи зубрила. Страшно до тошноты. Если не пройду — значит, я посредственность? — Будешь секретаршей со знанием английского, — Бри откидывается на спинку стула, обдавая нас своей уверенностью. — Будешь говорить клиентам: «Lord, give me strength».

— О, смотрите, — я все-таки решаюсь и выкладываю те-

лефон на стол, прямо между чашками. — Сделала для Луны.

На экране — лицо Луны, вплавленное в портрет знатной дамы XIX века. Она долго разглядывает снимок. Ее движения кажутся тягучими, словно она плывет в толще воды. — Красиво, Ниол... — Луна возвращает телефон, едва коснувшись экрана кончиками пальцев. — Жаль, в реальности все прозаичнее. Пришлось уволиться. Платят копейки, а долги растут. Чувствую, как земля уходит из-под ног.

Веста тут же подается вперед, едва не задевая ложечкой край чашки. Звон керамики кажется слишком резким в наступившей тишине. — Насколько все серьезно? Завтра же сядем за вакансии, я помогу составить список.

Бри скептически фыркает, изучая свой безупречный маникюр. — Лун, с твоим лицом — только на панель. За неделю закроешь все хвосты. Луна вздрагивает, и Бри тут же меняет тон, примирительно накрывая ее ладонь своей: — Да шучу я. Мы рядом, что-нибудь придумаем. Не давай этой системе сожрать тебя раньше времени.

Луна опускает взгляд. Чтобы занять руки и скрыть дрожь, она лезет под воротник свитера и вытягивает тонкую цепочку. На свету тускло блестит кулон — подарок Северина. Она перебирает его пальцами, как четки, словно ища в холодном металле ответ. — Мы вчера гуляли... Почти не разговаривали. Чувствую, как нить между нами истончается. Я теряю его.

Меня передергивает. Северин. За этой «роковой» хариз-

мой и растянутыми футболками из рок-магазина прятался обычный ленивый придурок. Он раздражал меня до зуда в ладонях, но я молчала, глядя, как Луна с каким-то мазохистским упоением смакует это страдание.

Бри обнимает Луну, и в этом жесте слишком много опеки. Она ведь сама когда-то отшила Северина, зная его мудацкую натуру, но Луне преподнесла его как «сложного и глубокого парня». Теперь этот долг вины гонит ее утешать ту, чью жизнь она сама немного подтолкнула к обрыву. — Он просто в своем футляре, Лун. Не принимай его безответственность на свой счет.

Я наблюдаю за ними. «А я? Неужели я такая же?» Нет. У нас разные настройки. Луне нужно туманное страдание, а мне — четкость. Раскодировка. Чтобы мой «Enter» наконец сработал.

Бри внезапно выхватывает мой телефон, переключая внимание на себя. — Молодец. Но слушай, Ниола, ты слишком много времени тратишь на чужие лица. Когда своим займешься?

Внутри вскипает досада. Бри всегда все делает играючи, талантом не дорожит, словно это просто сдача в магазине. Но я молча радуюсь: ретушь ей не под силу. Это моя тихая гавань, куда ей не доплыть. — Давай лучше приделай нам сиськи побольше! — Бри хохочет и бесцеремонно хватается Луну за грудь. — Бри, на нас смотрят! — шипит та, заливаясь краской. — И пусть! Сексуальность — это единственное,

что делает этот серый город ярче.

Бри переключается на Весту, которая в этот момент усиленно изучает дно своей чашки: — Когда ты уже расширишь границы со своим Ментосом? Он же тебя в лесу изнасилует от воздержания! Твои «беседы» — это круто, но телу нужна разрядка. — У нас духовная близость! — Веста вспыхивает до корней волос. — Мы читаем друг другу вслух. — Ой, не смейся! Близость без секса — как торт без сахара. Вроде красиво, но пресно и бессмысленно.

Луна поднимает глаза. Пар от жасминового чая окутывает ее лицо, делая его еще более призрачным. — Каждому свое, Бри... Тишина между людьми иногда важнее стонов. Веста, сделаешь это, когда будешь готова. Но... вдруг Ментос — это просто твоя «безопасная зона»? Для настоящей страсти нужен совсем другой заряд.

Бри внезапно атакует, не давая опомниться: — А что у тебя с Эдрианом? Три месяца тишины в эфире. Он что, клон? Когда мы увидим твоего спортсмена?

Замираю с чашкой у губ. Горячий пар щекочет кожу, и я медлю с ответом, подбирая слова. — Я не знаю... Он словно ускользает. Мы видимся редко, и каждый раз — как лотерея. То он открыт, то захлопывается, точно раковина. Иногда кажется, что он всё ещё там, в прошлом, со своей бывшей. Или кто-то ещё маячит на горизонте... Я не понимаю.

Бри прищуривается, ловя мой взгляд, а я продолжаю тише: — Самое странное — когда мы остаемся одни. Вроде

бы всё идет к близости, воздух накаляется, я уже чувствую это «вот-вот»... и в этот момент он просто отключается. Буквально. Словно натывается на невидимую стену внутри себя. Отворачивается, переводит тему, и я остаюсь сидеть в этом вакууме, гадая: что со мной не так?

— Отключается? — Бри не смеется, на этот раз в её голосе звучит жесткий интерес. — У него там что, «синий экран смерти» всплывает на самом интересном месте? Ниола, посмотри на свои фото! У тебя потрясающие формы. Ты для него сейчас — заблокированный слой, который он боится даже коснуться. Если он не видит в тебе женщину — у него проблемы со зрением или с кодом.

Слова Бри режут по живому. Вспоминаю, как уходила от него, раздавленная ощущением собственной невидимости. Бри вдруг подается вперед, и её голос становится серьезным: — Альт-Сити — твоя свобода. Но ты не доедешь туда, если будешь чувствовать себя «вторым сортом». Перестань быть для него фоновым рисунком. Ты — главный объект в кадре.

Смотрю на цветок жасмина в чайнике. Сомнения накрывают: а вдруг я и правда лишь временная затычка в его пустоте? Луна мягко накрывает мою ладонь своей. — Не слушай её резкость. У тебя своя скорость. Просто не позволяй Эдриану делать тебя прозрачной. Тишина в отношениях не должна превращаться в твое исчезновение.

В кармане вибрирует телефон. Резкий толчок тока. На экране мигает «Эдриан».

Мир кафе с запахом пряного жасмина трещит по швам. Уютная реальность девчонок осыпается пикселями. Что он скажет? Хватит ли сил не раствориться в его наглom «на связи», как фев

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.